

Сказание о Христофоровой пустыни как памятник местной агиографической традиции

**Власов Андрей Николаевич,
доктор филологических наук, ведущий научный
сотрудник отдела фольклора
Института Русской Литературы «Пушкинский Дом»
Российской Академии наук (г.Санкт -Петербург)**

Письменные источники по истории Христофоровой пустыни в настоящее время ограничены небольшим кругом памятников. Это - наиболее полный текст «Сказания о зачатии пустыньских обители, еже есть вверху Малые Коряжемеи и о начальнике старце Христофоре и о чудесах от иконы пречистые Богородицы честнаго и праведнаго Ея Одигитрия и о благодатной воде чудеса вельми предивны», сохранившегося в списке конца XVII в. в составе Сборника-конволюта XVII - XVIII вв.¹

Краткий рассказ о Христофоровой пустыни есть в Сольвычегодском летописце (л. 43-44) и входит в состав Сборника конца XVIII в.,² дополнительно содержащий и новый рассказ («Чудо ново и преславно содеяся от образа пресвятыя Богородицы, яже в пустыни Христофорове» - л.)³ более позднего времени. События, которые описываются в этом рассказе, относятся к 1693 г. и, возможно, продолжают событийный ряд Сказания, однако настоящая

1 РНБ, О. XVII, No 142. Сборник-конволют. XVII в., XVIII в. 40. 396 л. Бумага нидерландская ручная. Филлиграни: Голова шута /4-го типа по Клепикову/ = 1670-е гг. и др. Скоропись и полуустав разных почерков. Переплет картонный /поздний/. Записи: "Sia tetpat Kozmi Jwanowa sina Sokolova" /л.110/; "Василей Харомышев"/л.133 об./. Содержит: Евангелие от Иоанна /без начала//л.1/; Покаянное рукописание Семена Медведова прежде бывшего монаха Сильвестра, поданное для всенародного прочтения патриарху Иоакиму в декабре 7190/1681/ года /л.64/; Стихотворение Симеона Полоцкого "Женитва" /из "Вертограда Многоцветного"/ /л.79/; Сказание о зачатии пустыньских обители, еже вверху Малые Коряжемки, и о начальнике старце Христофоре... /л.82/; Слово о втором пришествии Паладия Мниха /л.109/; Притча Иоанна Златоуста о скончании жития человеческого /л.126/; Слово от отвергавших имя Бога /л.128/; Сказание о царе Агее /л.130/; Последование церковнаго пения об исходе души от тела /л.134/; Повесть о царице и львице /л.135/; Указ писцам и межовщикам как им земли мереть /л.194/; Наставление о составлении разных красок и приготвлении искусственных камней /л.220/; Собрание разных наставлений по хозяйству и домоводству /л.271/; Летописец /л.295/; Летописец /л.295/; Выписки из Степенной книги /л.303/. Текст Сказания опубликован: Власов А.Н. Сказание о Христофоровой пустыне // Книжные центры Древней Руси XI - XVI вв. Разные аспекты исследования. СПб., 1991. С. 328 - 343.

2 РНБ, О.1. No 835

3 РНБ, О.1. No 835. Лл. ; л. 43-44 об.

запись чуда вряд ли имеет прямое отношение к Сказанию, т.к. сделана гораздо позднее и другим автором.

В «Истории города Соли Вычегодской» Алексеем Соскиным приводятся подробные сведения об этой пустыне с отсылкой автора на существующие еще в его время летописцы («Во оной пустынской Богородицкой церкви также и у протчих здешних граждан о сей пустыне имеются летописцы, из которых за нужное сообщаю я главнейшая, славнейшая содеявшиеся чудеса в вышепоминаемой Христофорове пустыни от иконы Пресвятыя Богородицы Одигитрии и от благодатныя Ея источника, суть сия» - Соскин. С.159), а также устные рассказы современников и собственные впечатления о современном состоянии святого места.⁴

В небольшом очерке о преподобном Христофоре, опубликованном И. Верюжским в известном труде «Исторические сказания о жизни святых, подвизавшихся в Вологодской епархии...», содержатся только самые общие с исторической точки зрения сведения об этой пустыне со ссылкой на Историю русских иерархов (4. VI, С. 606), Словарь исторический о святых (С. 240), Полный месяцеслов. Сергия (25 июля) без упоминания других источников.⁵

Судьба Богородицкой пустыни за двухсотлетний период существования была непростой: после ее основания в середине XVI в.(1550 г.) через 10 лет после смерти Лонгина (1540 г.) («Сей убо старец Христофор по преставлении начальника Логина минувшу десять лет или вящеми прииде, не ведом коего града или какову родителя сын и вселися в пустыню» - Сказание с.) и официального ее открытия в 1555 г.⁶ старцем Христофором после посещения им Москвы уже в конце XVI в. обитель приходит в полное запустение после того, когда неожиданно исчезает Христофор.⁷ Оставшаяся немногочисленная братия со всем церковным имуществом переходит на жительство в Николо-Коряжемский монастырь примерно в 60 г., или в период с 72 по 76 гг., за 12 лет до настоятельства игумена Иова.⁸

Именно при Иове братия Николо-Коряжемского монастыря предпринимает

4. Соскин А.И. История Соли Вычегодской. / Изд. подг. А.Н. Власов Сыктывкар, 1997. С. 157 - 164.
5. Верюжский И. Исторические сказания о жизни святых, подвизавшихся в Вологодской епархии... Вологда, 1880. С. 491 - 494.
6. Дата, указанная в Сказании, возможно, не точная, т.к. по тексту она относится ко времени паломничества царя Ивана Грозного вТроицко-Сергиев монастырь и к Белоозерским чудотворцам («И вдася государь путнему шествию в Родонежскую область во обитель Живоначалныя Троицы к преподобному и богоносному отцу Сергию чудотворцу. И отуду к белоозерским святым во обитель преподобного отца нашего великаго чудотворца Кирила» - Сказание, с.) и совпадает с путешествием старца в Москву. См.: Власов А.Н. Сказание о Христофоровой пустыне. С. 328.
7. Верюжский называет дату исчезновения Христофора из пустыни - 1572 г.
8. Источники называют разные даты игуменства Иова: по списку настоятелей Николо-Коряжемского монастыря это 1584 - 1588 гг. (Попов В. Сольвычегодская старина // Сольвычегодская старина. Материалы и исследования к 500-летию г. Сольвычегодска / Подг. Изд. А.Н. Власов, Ю.В. Савельев Сыктывкар, 1994. С. 124), а по тексту Сказания и А. Соскину указывается дата перенесения чудотворной иконы обратно в пустыню 1572 г. (возможно, 80-е гг. ?). - См.: Власов А.Н. Сказание о Христофоровой пустыне. С. 336; Соскин А.И. История Соли Вычегодской. С. 163.

попытку возобновления жизни в пустыни, как указывается в тексте Сказания. В ознаменование возвращения чудотворной иконы на прежнее место в тот же год по обету была построена церковь усилиями братии и игумена, эта церковь упоминается в Сказании как существующая в середине XVII в. («та церковь и донныне стоит во свидетельство своего преславнагочюдеси» - Сказание с. 342).⁹ Надо полагать, что пустыня переживает во времена игуменства Александра определенный расцвет (там над святым источником была построена часовня и украшена иконами и другим новым церковным имуществом). О событиях, происходивших в пустыни, в тексте говорится, как о современных «в нынешние лета». Этот период совпадает с игуменством Александра (1643 - 1651 гг.) в Николо-Коряжемском монастыре. Тогда же она полностью переходит в ведение и под власть игумена Николо-Коряжемского монастыря вплоть ее закрытия в 1764 г. с последующим ее переводом в сельский церковный приход («Прилежит же та обитель Пречистые Богородицы... к прежней обители великаго чудотворца Николы... церковною всякою и всяким мирским строением и прежним царским жалованием. Воедино един игумен обоим обителем, и братия во едино живут, и пища, и одежда всем живущим во обоих обителях из единой казны дается» - с. 343). В XVIII в., по свидетельству А. Соскина, в пустыне перед самым ее упразднением 1763 г. была построена каменная церковь Пресвятой Богородицы Одигитрии (освящена в 1770 г.) и кроме того там еще стояла и деревянная холодная церковь Введения во храм Пресвятой Богородицы, построенная раньше. Однако историограф не берется утверждать - та ли эта церковь, которая была построена по обету в конце XVI в. на месте бывшей церкви, поставленной при старце Христофоре и разрушившейся в период запустения («Место же то пустынное было пусто, И без пения толико же лет (12 - А.В.) и церкви разрушися» - Сказание. С.335). Судя по отдельным замечаниям о погибших иконах в пожаре, древняя деревянная церковь вряд ли могла сохраниться до конца XVIII в. Тем не менее, еще при Соскине эта церковь была «украшена иконописанием и потребною церковною утварью» (Соскин. С. 158).

Христофорова пустынь была знаменита источником целебной воды, которой, по преданию, была исцелена царица Анастасия, и чудотворной иконой Богородицы Одигитрии. А. Соскин упоминает о двух образах собственно чудотворном и подаренном Христофору Иваном Грозным. Он пишет: «втеплой церкви (каменной - А.В.) есть двое образа местные Пресвятыя Богородицы Одигитрия, ис коих первой - между царскими и северными воротами, писанной в давния лета, пятничный, на котором венцы и оклад серебряные, позолоченные, вокруг его писаны чудеса и явления. О сем образе многие из народа повествуют, что оный самый начальный и чудотворный, бывший при начальнике Логине...» (Соскин. С. 158). Как можно понять, речь, очевидно, идет о том, что чудотворный образ был вначале в Николо-Коряжемском монастыре еще при жизни Лонгина, т.е. 40 г., а затем был взят с собой старцем Христофором

9. Судя по тексту Сказания, там недалеко от источника была поставлена церковь еще во времена Христофора: «Да и паче прославить чудотворную икону Матери Своея Пресвятыя Богородици яви Бог чудо предивно: в той же пустыни, **невдале от церкви Пречистые Богородицы**, тешае вода ис камени.» - с. 345.

на новое место к источнику на малую Коряжемку.¹⁰ «Вторый на южной стороне болшей, венцы и гривна серебряные, позолоченные, возглавие и ожерелье жемчужное, новонаписанный в нынешние времена на место згоревшаго в той пустыне пожаре с церковью: которой был украшен серебром, золотом и дорогим камнем и жемчугом большею частью, от благовернаго государя, царя и великаго князя Иоанна Васильевича самодержца России» (Соскин. С. 158), т.е. копия того образа, который был подарен царем, но сгорел при пожаре в прежнее время.

Такова историческая реконструкция, сделанная на основе известных письменных источников о Христофоровой пустыни и ее главных достопримечательностях до начала XIX в.

Обратимся к анализу текста известного списка истории о Христофоровой пустыни. Он представляет собой целостную и самостоятельную повествовательную структуру, в функционально-жанровом отношении тяготеющую больше к жанру «богородичных повестей». Сказание можно разделить на две самостоятельные части. В первой части рассказывается история основания и затем «запустения» Христофоровой обители в XVI в. Во-второй - содержится собственно рассказ о чуде от иконы Богородицы Одигитрии. Источниками первой части повествования, очевидно, явилосьустное монастырское предание о том, как благодаря целебным свойствам открытого Христофором водного источника была избавлена от «чревной» болезни царица Анастасия жена Ивана Грозного («И по мале времени благоверная царица Анастасия впадаше в скорбь великую ово чадородия ради своего, ово болезни ради своих благородных чад, а ино лишения ради по преставлении к Богу отшедших прежних своих чад» - Сказание. С.329). И это обстоятельство стало основанием для официального открытия новой обители. Как известно, в традиционном фольклорном сознании водные источники выступают достаточно часто в качестве сакральных объектов и занимают видное место в системе устных народных повествований. Подобную же и типологически близкую сюжетную ситуацию мы встречаем в рассказах о Туровецком погосте. Правда, там сохранились письменные свидетельства только о чуде от иконы, а целебные свойства водного источника до настоящего времени поддерживаются только устным преданием и живой верой богомольцев, которые посещают церковь на Туровце в день празднования т.н. «Туровецкой конной» (10 июля) и по обету. Поэтому письменная фиксация сюжета о целебном источнике в Христофоровой пустыни позволяет нам говорить о достаточно глубоких корнях этого сюжета на Русском Севере. Локализация известного сюжета в Сказании сопровождается привнесением в него целого ряда местных реалий, которые должны были укрепить историческую достоверность событийного ряда. Так, например, источник обнаруженный Христофором, имел необычную форму: ключ бил в камне похожем на чашу, а природа самого камня была настолько редкостна, что не поддавалась определению. Первый фиксатор этого предания так описывает этот камень: «В той пустыни, невдалеке от церкви Пречистые

10 Вряд ли подобное утверждение Соскина согласуется с более ранним источником, в котором нигде не говорится о том, был ли Христофор когда-либо в Николо-Коряжемском монастыре. См. ниже об этом.

Богородицы, течаше вода ис камени. Камень же бе, аки жернов невелик, над рвом и благоуханием, аки фиимиам... На камени же том, откуда же вода изхождает, аки чаша устроена, и черплющая воды оттого камени николи же умалется и до сего дне, и всяк иже с верою причащающийся сия благодатныя воды, душам спасение и телесам здравие получают» (Сказание. С. 330). Любопытно, что сам автор текста Сказания уже не мог видеть источника в его прежнем виде и описал его, по устным рассказам очевидцев, запечатлевших в памяти это необычное природное чудо. Повествователь с сожалением фиксирует, что «Место же то пустынное было пусто. И без пения толико же лет (12 - А.В.) и церкви разрушися и благодатная вода ис камени и текущая в то лето была не сохранена. Мнози простыя чады невеликии приходящее к сему благодатному источнику неистово, безчинно, аки простому езеру или болоту, и лужением черпуще воду от камени неискусно, и от камени крохи ломаше, небрежением пустоты ради места того. Не бе бо тогда кому сохранить благодатныя сия воды за неискусство неведующих людей. Иаще кто емлюще тогда ту благодатную воду, а не хранящее благочестием, и ничтоже у нея ползующеся» (Сказание. С. 335).

Таким образом, камень из чудесного источника погибает еще до возобновления пустыни при игумене Иове. А часовня над источником была построена только при Александре, т.е. через почти 70 лет. Но заметим, что отличительные свойства камня, из которого истекала вода, были еще долго предметом пристального внимания тех, кто обращался к истории Христофоровой пустыни. А. Соскин даже провел специальные разыскания по этому поводу. «От оных церквей примерно во сте пятидесяти сажнях есть часовня и в ней кладесь благодатной воды, ил, паче рещи, живоноснаго источника чистой и холодной, от которой православным христианом приходящим с верою к Пресвятыя Владычицы Богородица и Присно Дева Мария от разных недугов неоскудное подает исцеление и здравие. Изначала проявления чрез многия лета в сем кладезе вверху воды посреди плаваше камень, аки дерево, подобен жерновому имевшей посреди вверху, аки чашу, в которую чрез камень та вода чудным образом истекала, и приходящие же народ из черпаху ту благодатную воду, но не оскудеваше, ибо непрестанно наполняшеся. Ныне же того чудного камня не обретається от небрежения бо церковных священнослужителей. В нынестекущем столетии приходящие богомольцы чествми сломан для здравия и достойного памятствования и оставшая в кладезе того камня болшая часть, как многие из народа сказывают, что аки бы взята была к сохранению в ту пустынскую церковь. А прочие повествуют, что будто бы от обмывеша во оном источнике скверной жены блудницы неведомыми судьбами последняя часть потонула в том источнике, и обратившись в землю. Которое же повествование верное, знать не можно, ибо в церковном летописце об оном не упомянуто. Которой камень был длиною и шириною во все стороны окло восьми верхов, толко верх чашею, видом бел, мелкооздреват, подобен пшеничному печеному хлебу, которого части здесь в городе в домах видал я. В нынешние времена в поминаемом кладезе по церковному чиноположению в господские и богородичные праздники бывает осящение воды, для чего над ним и часовня построена, и в ней поставлены святыя иконы. Воду же ис того богомольцы почерпают сами сосудами, ибо

оня от полу недалеко, и не болие вниз, как два аршина, равномерно ж во все стороны четверогранной вложен рубленной деревянной кладезь. Да и наполняется в нем вода наравне состоит з землею глубиною ж в нем вода около двух аршин же» (Соскин. С. 158). Таким образом, по свидетельству сольвычегодского историографа, можно заключить, что история о чудесном камне непонятной породы весьма живо занимала умы местных жителей и становилась пищей для возникновения новых устных легенд (история с испувавшейся в источнике блудницей), что же касается хранимых в домах сольвычегодцев якобы частичек оттого камня, то проверить его утверждение, что это частицы именно того камня, не представляется возможным, когда уже минуло с момента разрушения камня более 200 лет. Верно одно, что все приводимые свидетельства все же основываются на устных преданиях. Можно даже осторожно предположить: не напоминает ли вся эта чудесная история с каменной чашей и благодатной водой известный западноевропейский мотив о святом Граале из средневековых рыцарских романов?¹¹

Легендарное историческое повествование об основании Христофоровой пустыни и чудесном источнике дополняет загадочная судьба начальника этой обители. Автор Сказания пишет, что Христофор появляется на малой Коряжемке через 10 (или более) лет после смерти Лонгина, откуда родом и из каких мест приходит отшельник он не упоминает («Сей убо старец Христофор по преставлении начальника Логина, минувшу десять лет или вящее ми, прииде, не ведом коего града или какову родителя сын, и вселися в пустыну: и ту трудися о Господе, и житие безмолвно возлюби, паче пустынное, моляся Богу и Пресвятей Богородице непрестанно; и пищу себе уготовляше своими труды, и оттого питашеся, паче же пребывая в посте и в молитвах. И божиим промыслом некотории человецы к нему в пустыню прихожаху и постригахуся, и братству совокупляхуся, и труды к трудам прилагашу: место разчишаху и келеи поставляху, и обитель во имя Пресвятые Богородицы составляху. И сеи Христофор старец месту тому начальник бываше» - Сказание. С. 330). Таким образом, как явствует из повествования, первоначально Христофорова пустыня не имела никакого отношения к монастырю и вряд ли Христофор даже знал Лонгина, если он пришел на это место через десять лет после смерти последнего неведомо откуда и чьих родителей сын. На тот факт, что изначально это были две самостоятельные обители, указывают сведения о милостыне, которая дается раздельно монастырю и пустыни. Ситуация резко меняется только при Александре, который добивается присоединения к монастырю пустынской обители. Надо полагать, что присоединение пустыни к монастырю и послужило реальным поводом для составления Сказания как исторического обоснования свершившегося факта. А старец Христофор столь же неожиданно, как появился, исчезает неведомо куда, оставив пустыню на произвол судьбы: «Како сеи начальник Христофор от сего пустынного места и отсвятяя обители отлучися - никому не ведушу и не слышимо. Или сам некия ради потребности, либо где отоиде и скончася. Аще бы и тако бысть: но развие в долних странах и людем его неведущим. И се бывает на пути зверь человеки

11. В романе поэта Вольфрама фон Эшенбаха «Парцифаль» (нач. 13 в.) - не чаша, а камень, принесенный ангелами на землю и обладающий чудесной силой. - МНИЭ. Т. 1. М., 1991. С. 317 - 318.

похищает и раздвояет. Паче же се бывает завистию злаго врага, злых ученик учителя и наставник пути спасенному поучающее, злии же ученицы не радяще о своем спасении и учителей своих благословения и поучения не хотяше приимати, и удаляющееся в клятву. Или от иных злых человек имения ради, чая нечто обрести, убиен бысть, якоже преподобный отец наш Никита Столпник... О сем же начальник Христофоре, како его изшествие от пустыни своея и ото обители Пречистые Богородицы, един Бог вестъ» (Сказание. С. 334). В Сказании автор предлагает несколько версий исчезновения Христофора, среди которых упоминается и убийство ради корысти, как было с Никитой Столпником, Переяславским чудотворцем. Почему-то этой версии в повествовании уделяется больше внимания благодаря подробному пересказу житийного сюжета об убийстве святого своими родственниками, из-за якобы имеющегося у него богатства, которое он носил на своем теле.¹² Вместе с тем, автор Сказания не настаивает на какой-либо одной версии, а, очевидно, приводит известные по слухам причины исчезновения начальника пустыни.¹³ Несмотря на странную историю с исчезновением основателя пустыни, день памяти Христофору все же отмечается русской церковью и попадает на 25 июля (Месяцеслов Сергия, Исторический словарь).

Завершает сюжет первой части Сказания эпизод о запустении пустыни после исчезновения Христофора. Причем он подготовлен предыдущим эпизодом и по логике повествователя оправдывает закономерность перехода пустыни в ведение игумена Николо-Коряжемского монастыря: «Писано бо есть в святом евангелии: «Поражу пастыря - и разыдутся овца». Тако и zde. Егде не бысть начальника Христофора той пустыни, братии же еще немногу сущу ту собрано, но и тии помале разыдошася ис пустыни. И не бысть кому в той пустыни обители Пречистыя Богородицы строити» (Сказание. С.334). И далее излагается по сути просьба оставшихся иноков пустыни, доведенных до крайней нужды, к игумену монастыря, чтобы они приняли их в свою обитель со всем имуществом («И нецыи от последнику живущих братии, и приидоша в честную обитель великаго чудотворца Николы, именуется Коряжемским монастырь, и поведаше игумену и братии о своем нестроении в пустыни обители Пречистыя Богородицы. Уже бо им невозможно бе в пустыни пребывати нестроения ради обители тоя и хлебнаго ради глада. Место бо еще пусто и камене не бысть, и чернецы разыдошася, дабы Коряжемскаго монастыря игумен з братиею взяли ис пустыни икону Пречистыя Богородицы Честнаго и Славнаго Ея Одигитрия, и колокола, и прочее церковное строения. Игумен же Коряжемскаго монастыря з братиею по прошению тех пустынских старец сотворише тако: чудотворную икону Пречистыя Богородицы Честнаго и Славнаго Ея Одигитрия, и с тою иконою колокола, и прочее церковное строение взяша к себе в Коряжемский монастырь. И поставиша ту чудотворную богородицыну икону в церковь великаго чудотворца Николы честно с молебным пением» - Сказание. С. 334 - 335).

12. Сюжет из Жития Никиты Столпника, как указывается в тексте, был взят из книжного источника («И о том писание свидетельствует, и донныне в его же, преподобнаго отца нашего Никиты, в житии» - Сказание. С. 334).

13. В Истории А. Соскина приводится только одна версия: «Како же еси начальник Христофор от сей обители отлучися, никому же не ведушу и где сконча течение, и преставися неизвестно» (Соскин. С.163)

Фактографичность данного эпизода очевидна и мотивирована поступками оставшихся иноков пустыни. И это было важно подчеркнуть повествователю Сказания.

Начинается вторая часть Сказания со слов: «И паки воспомянем о чудотворной той Богородицыне иконе, да незабвение будет на чудеса Ея и сие послушанием» (Сказание. С.335). Напомнив, что в то время, когда икона пребывала в Николо-Коряжемском монастыре, пустынное место оставалось пусто, составитель Сказания приводит распространенное в устной традиции поверье о том, что в месте, в котором следует поставить церковь ил и обозначить его как святое, люди будто бы слышат там звон невидимого колокола и церковное пение («но Бог и Пречистая Богородица не восхоте тому месту пусто быти. Слышано бо бысть о сем от неких человек. Егда кто хоужаше в лесу каковыя ради либо вещи - или птиц, или зверинаго ради ловления, или иных ради каких потреб - и егда прихоужаше близ того пустынного места обители Пречистыя Богородицы, и слышащее на том месте звон велик. Не во едино время людем же, ту живущим, и колоколов не бысть, но пусто бе то место. О великое и преславное чудо Пресвятыя Богородицы, предъвозвещающе чудесы своими, хотящая бытии своей чудотворней иконе на прежнее свое домовное пустынное место!» - Сказание. С. 335).

После этого предварительного вступления к рассказу о чуде от иконы Богородицы Одигитрии следует отступление от основной исторической темы, оно носит общий дидактический характер («Долготерпеливый же всещедрый и многомилостивый Господь не до конца прогневается, ни в век враждует, ни по беззаконию нашим сотворил есть нам, нынешнему последнему роду в православии живущим, ни по грехом нашим воздал есть нам, яко по высоте небесней от земли утвердил есть Господь милость свою на боящихся его» и т.д. - Сказание. С. 335).

Повествование основано на довольно подробном устном пересказе событий, связанных с перенесением чудотворной иконы на прежнее место, и указанием точной даты этого события 7080 (1572) г. («Се же чудо преславно о иконе чудотворной Пречистыя Богородицы Честнаго и Славнаго Ея Одигитрия, како восхоте отоити из Коряжемскаго монастыря во свою пустыню в прежни свои дом в лето по 7 тысяче и по 80-м году при игумене Иове з братиею» - Сказание. С. 336). Структурно повествование строится на известных для жанра богородичных повестей стандартных нарративных приемах и ситуациях: одному из иноков монастыря во сне дается откровение, чтобы тот сообщил игумену и братии монастыря о желании быть чудотворной иконе на своем прежнем месте. Видение является иноку трижды. Игумен, узнав о чуде, распоряжается вернуть икону в пустыню и с крестным ходом совершает путешествие. На месте, где раньше была пустыня, с ними происходит новое чудо - монахи лишились сил («внезапу быша вси разслабленнии всеми телесными уды» - Сказание. С. 341). Они получают исцеление только после того, когда пообещали построить новую церковь. При исполнении своего обета, они удостоиваются быть свидетелями нового чуда. Икона пожелала быть на прежнем месте, а не новом, которое избрали монахи. Чудесным

образом икона перемещалась на старое свое место до тех пор, пока не стали церковь строить на старом месте. Подобный набор стандартных ситуаций встречается и в других сказаниях о чудотворных иконах. Поэтому чтобы придать большую достоверность чудесным проявлениям составитель вводит множество деталей и мелких подробностей в свой рассказ. Например, первое видение инока происходит во время монастырской работы: «Бывшу того Коряжемскаго монастыря некоему брату на монастырской службе, на овине хлеб сушил, и в нощи от труда восхоте опочинуть мало» (Сказание. С. 336). Или, такая деталь, что на строение новой церкви каждый из братии должен был принести по два бревна («Игумен и братия поидоши в лес, начаша лес сечи, и вскоре изготовиша. От игумена даже и до последнего всяк человек по два бревна на всякое церковное строение» - Сказание. С. 341). Или, точное указание на место, где должна быть построена новая церковь («И помыслиша игумен з братиею церковь заложити на новом месте. Есть бо место ино высоко от старого церковнаго места невадь за рекою» - Сказание. С. 341).

Таким образом, восстановив событийный ряд по истории Христофоровой пустыни, можно сказать, что она основана на весьма зыбких источниках (устных рассказах монастырской братии и местного населения) и письменно была зафиксирована гораздо позднее в связи с официальным присоединением пустыни к монастырю в период игуменства Александра. Возможно, и были ещё какие-то записки летописного характера, о которых упоминает А. Соскин, но вряд ли они были сделаны раньше нашего Сказания. То, что Сказание было создано в Николо-Коряжемском монастыре, указывают не только многие свидетельства в тексте, о которых мы упоминали выше, но и основательное знание монастырской жизни. Наиболее ярким таким эпизодом является рассказ о бывшем игумене Иове, при котором совершаются чудеса от иконы и ее возвращение в пустыню.

В Сказании рассказ о игумене Иове представляет собой своеобразную вставную новеллу, т.к. в ней разрабатывается одна из сквозных тем авторского повествования - тема «неправедного пастыря». Однако характеристика Иова занимает не так много места в тексте Сказания и ограничивается следующим признанием, которое известно только по слухам: «Сей же игумен, прежеименованный Иев, живой во обители. Сей имея старейшинством именовый ся над живущими ту братьями и пастырь. Житие же его, слышано: неистово ядый и упивался пьянством без воздержания от монастырскаго и от церковнаго соборнаго пения отлучашася по много время. И токмо ему монастырское строити, или о церкви божия пещися, или стадо словесных овец назирати, якоже неции прежни преподобнии отцы обители строили и братство ко спасенному пути наставляли. Сей же игумен Иев, имея с собою некия от братии таковыя же, якоже сам, и монастырском строении не радяше, но и паче разоряше, и славолюбие и сребролюбие в себе имяше даже. Пастырь в своей пастве не радити начнет о овцах, и овцы без пастыря како могут целы бытии? Не токмо от волка или от иного зверя расхищаются, но и от безумных человек, и роды своими пужаются и погибают. Тако и иконам, живущим во обители; аще не наставники своими наказании будут, не могут спастися» (Сказание. С. 340).

«Нестроение» Коряжемской обители и распри внутри между игуменом и братией были, видимо, не столь уж большим событием. В. Попов приводит исключительное документальное подтверждение такой распри между игуменом Иоилем (1626 - 1629 гг.) и монастырской братией, которая происходила в монастыре гораздо позднее и, возможно, еще была в памяти у старых монахов.¹⁴ Совмещение этих событий при создании Сказания вполне реальная вещь, т.к. игуменство Александра происходит через несколько лет после известного скандала с игуменом Иоилем.

Необходимо отметить, что Сказание представляет собой не просто историческую записку об основании Христофоровой пустыни или свидетельство чудесных проявлений от иконы Богородицы Одигитрии, оно концептуально и стилистически является целостным текстом и отвечает основным правилам построения текста агиографического жанра. Текст изобилует множеством цитат и аллюзий из книг Священного писания, сочинений отцов церкви, примеров из других агиографических текстов. Что указывает на основательную начитанность автора и его широкий читательский кругозор. По своей идейной направленности и основным авторским интенциям Сказание больше напоминает сочинение учительного характера, своеобразное «обращение» (поучение) к братии, чем историческое сочинение. Однако оно не лишено и чисто житийных стилистических клише. Например, таких: «Речено бо есть во святом писании: «Тайна царства добро есть хранить, а дела Божия проповедати со усердием и со дерзновением». Преславно есть и духовнаго торжества исполнено всем послушающим со усердием повести сея» (Сказание. С. 330). Здесь встречается и соответствующий набор цитат для житийного текста: «Господем реченныя во святом евангелии ко учеником своим: Просите и дастся вам; и ищите, и обрящете; толцете и отверзеста вам, а прославляющего мя прославлю». Рече же святыи пророк Давид: «Отрыгну сердце мое, слово благо глаголю, аз дела моя, царев язык трость книжника и скорописца». И паки рече пророк: «Господи, уста мои отверзеши и уста моя возвестят хвалу свою». И паки глаголет псаломник: «Возвещу имя твое братии моей и посреде церкви воспою тя». И паки речено во святом евангелии: «Не может град, верху горы стоя, укрытися, ни светилник возведен под спудом поставлен невидим бывает, но на свещнице - и светит всем, и восходящи видят свет». И паки реченное пророком: «Праведник, яко финик процветает, и яко кедр, иже в ливан умножится, яко дерево, насажено при исходящих водах, протирающе розги своя от моря и до моря, яко крины селныя многообразныя цветы процветоша, благоухания испущающе, и яко медоточныя сот, дивиими пчелами возделан, сладости испущая ис человеческия гортани и услаждаея ея, и верных сердца веселящее» (Сказание. С. 331). Или такая самоуничтожительная формула: «И паки напредиреченная возвратимся. Руце мои ослабеста и язык мя косним, сердцем вопием, и ум нудит ми о предиреченных Пресвятыя Богородица чудотворныя Ея иконы чудесех подробну рещи. Грешный и недостойны раб косный языком и несмысленный умом, елико слышах, и некая сила поощряет мя рещи. Яко елень жаелает на источники водныя, тако и душа моя будет»

14. Попов В. Сольвычегодская старина // Сольвычегодская старина. Материалы и исследования к 500-летию г. Сольвычегодска / Подг. Изд. А.Н. Власов, Ю.В. Савельев Сыктывкар, 1994. С. 118 - 120.

(Сказание. С. 333).

Подобный риторический пассаж позволяет характеризовать жанровую принадлежность Сказания как житийного' текста. Такое «вступление» к дальнейшему повествованию можно квалифицировать как топос, представляющий собой характерную черту поэтики сказаний о чудотворных иконах в том числе и местных. (Ср. с подобными эпизодами в текстах сказаний о Теплогорской пустыни и иконы Троицы Соезерской пустыни).

Частые же обращения типа: «И о сем, братие, подобает нам духовно и разумно послушати. Слышах бо о сем, но недоуме яко истиннаго исписати или неким божиим откровением, или своим» - дают нам возможность адресно представить - к кому был направлен текст Сказания.

Учительные интенции автора наиболее ярко проявляются в разработке темы «неправедного пастыра». Можно сказать, что эта тема была особенно близка ему, т.к. в ней слышны и полемические ноты. В разработке этой темы и близких ей мотивов автор Сказания опирается на известный сюжет из старопечатного Пролога XVII в. за 18 октября «Слово о некоем игумене, его же искуси Христос во образе нищаго».¹⁵ В тексте начинается она с известной евангельской цитаты «Поражу пастыря и разыдутся овца». С точки зрения сюжетной логики, эта тема возникает тогда, когда исчезает Христофор и обитель приходит в запустение. Это объективный факт сюжетного развития Сказания и в то же время нравственный урок: «Тако и zde. Егда не бысть начальника Христофора той пустыни, братии же сице немногу сущу ту собрано, но и ти по мале разыдошася ис пустыни» (Сказание. С.334).

Подобную же нравоучительную сентенцию мы находим относительно инока, который до трех раз не мог поверить, что явленное ему видение и голос во сне истинны: «Зде же послушаем от заповедей Господних. Писано бо есть: «Внимайте, людие мои, закону моему, приклоните уши ко глаголы уст моих-возглаголю бо матерь всем человеком». Мы же, братии, слышаше внимаем в сердцых наших усердно и сотворим Господем реченное, возлюбим Господа Бога Нашего всею душою, а не малодушием и всем сердцем своим и всею мыслию своею. По сему же возлюбим и ближних, аки сами себе. Кто же есть ближний? Ближай именуется всяк, пребывая и в верех в Бога и творя и волю Его - той есть ближний. И паки апостол и евангелист Иоанн Богослов в послании своем повелевает любити братию, глаголя: «Тако любяи брата своего, любяи Бога, и Бог в нем пребывает». Слышите, братие, како Иоанн апостол велит братию любити? Аще бо и велит братолюбие имети не просто, но с таковыми подобя братолюбие имети, иже кто в любви пребывает и заповеди его соблюдает - а ето есть истинное братолюбие. Есть бо инои: сатаниным убийством безумнии человецы омрачаша и крадущее и блуд и блуд творящие, клеветующее друг на друга втайне и лжесвидетели вьяве бывают и облыгатели, насилующее, грабящее, мзды неправедно емлюще и прочими, подобно таковыми же,

15 См. текст: Пролог. М., 1642 (18 октября); О.А. Державина Древняя Русь в русской литературе XIX века (Сюжеты и образы древнерусской литературы в творчестве писателей XIX века). Пролог. Избранные тексты. М., 1990. С.221 - 222.

безумнии человеки зделаются. И от такового несправеднаго собрания упивающееся и объедавшееся, удержавате у себе многоразлична брашна и пьянственное питие сами, аки скоти бессловеснии, без воздержания питашеся, иных малодушных человек и слабых к себе привлчаше и трапезам своим председаше, и леностною честию почиташе, мнящееся. Тако вси пред неведущими человеки братолюбивый и милостивый славы ищуще от человек суетных и мало временных. И от Бога таков си и удалишася. Видите ли, братие, каково ино мнимое братолюбие? Несть се братолюбие, но злолюбие и славолюбие. В нем же и блуд сотворяется. И таковыи, по малом своем временном житии и небрежении живущии, внезапно от Бога посылаемой злой смерти предаются и в муку вечную идущее, юже зде сластолюбия ради возлюбиха. Еще же в сие настоящее время мнози человецы, нетокмо мирстии человецы, но и церковнии причетницы, аще видят некоего властелина человека, богатством цветуща и тщетною славою одержима, и сретяхут его с радостию, и вводящее в храмы своя, и трапезы представляющее, и честь велию. Се все тако творящее, хотящее от него болши нечто обрести. Или к тому вельможи многим к болшим трапезам приходити и упиватися и объедитися, или чая от него много имения взятии во обитель, мнящееся милостыня ради церковнии причетницы. Аще видящи коего, яко грабителя или мздоимца и прочих сим подобны приносят к церквам божиим приношения в дар Богу, причетницы же от таковых человек вскоре приношение приемаше, не исправляше, каково от них приношение бывает, но паче радуются приобретению имения, дабы себе много имения дал, а не помнят реченное, яко несправедна мзда от Бога удаляет, и очи человеком омрачает. И паки: «Слепец слепца водил и внезапно оба в яму впадутся». И паки апостол глаголет: «Аще кто в вас блудник или лихоимец, или клеветник, или пьяница, или хищник, или досадитель именуем будет, с таковыми ни же ясти, ни же питии, повелевает, и не токмо се, но из сердцы вашей да изженится» (Сказание. С. 336 - 337).

Яркая струя публицистичности и разработка известных мотивов не всегда кажется мотивированной по сюжетной логике Сказания и в повествовании памятника представляет своеобразный второй план, который иногда пересекается с основным рассказом о возникновении и истории обители. Зачастую толчком к развитию этой особой линии служит простая ассоциация. Например, после своего возвращения из Москвы от Ивана Грозного старец Христофор начал думать «Како бы обитель сия лучше устроити». Это послужило поводом для автора отклониться от основного хода сюжетного повествования и обратиться к разработке мотива провиденциализма: «По некоем же времени Богу единому владельцу и создателю всея твари, Господу и Спасу Христу, сведущу вся видимая и невидимая, творимо человека или добро, или зло» и т.д. (л.167).

Или, от сообщения о игумене Иеве («Сеи же игумен Иев, имея с собою некия отбратии таковыя же, якоже сам, и о монастырском строении не радяше, но и паче разоряше, и славолюбие и сребролюбие в себе имяше даже» (л. 102 об.) автор заключает нравоучительной риторической фразой: «Пастырь в своей пастве не радити начнет о овцах, и овцы без пастыря како могут целы бытии? Не токмо от волка или от иного зверя расхищаются, но и от безумных человек,

и рады своими пужаются и погибают. Тако и инокам живущим во обители, аще не наставники своими наказании будут, - не могут спастися» (Сказание. Л. 102), после которой начинается общее рассуждение о чудотворных господских и богородичных иконах и чудотворных мощах, которые проявляют свою силу в разных странах и городах («Помянем же нечто мало пребывших чудотворных господских и богородичных иконах и во иных странах бывающее, и о угодницах божиих чудотворных мощей явление и пренесение от места на место, еже коемуждо чудеси во святых книгах писанием свидетельствует. И о сем убо, братие, да почудимся; аще божиим посещением коя страна, граду или весем запустение бывает - чудотворныя же иконы и чудотворцевы мощи явлением и чудотворением преходят во ин град или во обители, да чудеса их человеком не забвении будут. И еще нечто от святых книг писанием непокоривыи и безчинно живущая церковныя причетники обличает и чего ради Бог не токмо молитву их послушает, но и лице свое отвращает» Там же). И далее цитируется известное пророчество о гибели Царьграда («Некий брат вопроши святого старца, учителя ему бывша о святем граде Христа, Бога нашего: «Будет ли запустение граду сему от нахождения персян?» Старец же прослезився поведа ученику своему...» - Сказание. Л. 103).

Среди риторических и сюжетных отступлений встречаются вставки, указывающие на стремление автора упомянуть и о других в Николо-Коряжемской обители чудотворных проявлениях. Такой рассказ мы встречаем о другой чудотворной иконе Нерукотворного Образа Спаса, которая в то время обреталась в стенах монастыря («Мы же братие, аще о отшествии чудотворныя иконы Богородицины преже печалны быхом, но ныне радостию духовною паче возрадуемса о новеем преславном чудеси, о даннеи нам от Бога благодати - о пришествии чудотворныя иконы Нерукотвореннаго Образа Господа Бога и Спаса Нашего Иисуса Христа к своему угоднику великому во святителях и чудотворцу Николаю во обитель...» - Сказание. Л. 105 — 106) и пространным рассуждением нравоучительного характера о пользе чудес, и кому они даются.

Обратимся специально к проблеме атрибуции текста. На основании замечаний «писателя» Сказания мы можем относительно точно датировать создание окончательного текста - он сложился во второй половине XVII в., еще при жизни Александра Вятского. Более того, в тексте говорится о расцвете пустынской обители в середине XVII в. как о современном событии (период, когда Александр был игуменом Николо-Коряжемского монастыря): «в нынешние лета...»; а написание «Исус» с одной «и» позволяет осторожно предположить, что оно было написано до Никоновской книжной реформы, т.е. до 1653 г., или что автор (переписчик) был человеком традиционалистских взглядов и противником книжных «новин». Кто же мог быть автором Сказания? Вопрос тоже пока открытый, хотя В. Попов указывает, что автором был именно Александр, к сожалению, каких-либо аргументов в пользу этого предположения он не приводит совсем. Наша точка зрения, заключается в следующем и основана на следующих доводах: 1. Сказание было написано человеком, хорошо знавшим внутреннюю жизнь Николо-Коряжемского монастыря; 2. Не простым иноком, а человеком, позволяющим себе рассказывать не

только о неприглядной жизни игуменов монастырей, но и поучать братию; 3. Человеком, книжным и начитанным, владеющим риторическими приемами составления текста; 4. Человеком, явно увлеченным, что проявляется в его стремлении публицистически заострить некоторые проблемы, которые особенно его трогали. Некоторые из них легко найти в сочинениях Александра Вятского. Так, в челобитной к Алексею Михайловичу, направленной против бывшего патриарха Никона, Александр называет его пастырем, который «не брегий Христова стада». Сквозной эта тема является и в другом его послании «Вопросы к собору наименьшего из архиереев», где встречается фраза «Стада словесных овец смотряюще, тем полезнее» и т.д.¹⁶ Все сказанное выше позволяет видеть в авторе Сказания именно Александра Вятского. Возможно, написанное в целом Сказание (или его историческая часть) были написаны в период 1643 - 1651 гг.: «В нынешняя же лета Божиею помощию и Пречистыя Богородицы молением и заступлением при игумене Александре... часовня устроена.» (Сказание. С. 343). А окончательный текст сложился в более позднее время, уже после всех жизненных перипетий Александра и его борьбы с Никоном, поэтому отстраненная фраза автора о себе, как простом монахе, объясняет поведение человека, удалившегося на покой (в схиму) под именем Андрея. При этом отметим, что другой равной фигуры в Николо-Коряжемском монастыре этого периода никак не проявляется.

16. Власов А.Н., Парамонова Т.Б. Произведение Александра епископа Вятского «Вопросы к собору наименьшего из архиереев» // Проблемы изучения традиционной культуры Севера. Сыктывкар, 1993. С. 27 - 79.